

1817. Дело Антуана Фюальдеса: логика массового заблуждения

Виллибальд Алексис
Юлиус
Эдуард Гитциг

18+

Новый Питаваль: Подлинные истории преступлений

Юлиус Эдуард Гитциг

**1817. Дело Антуана Фюальдеса:
логика массового заблуждения**

«Автор»

2026

Гитциг Ю.

1817. Дело Антуана Фюальдеса: логика массового заблуждения / Ю. Гитциг — «Автор», 2026 — (Новый Питаваль: Подлинные истории преступлений)

Франция, 1817 год. Тихий городок Родез потрясен жестоким преступлением: в реке найдено тело бывшего прокурора Антуана Фюальдеса с перерезанным горлом. Под подозрением оказываются люди из его ближайшего окружения. За громким судебным процессом, полным шокирующих слухов и тайн, затаив дыхание следит вся Европа. Под давлением разъяренной толпы и политических страстей выносится суровый смертный приговор, но до самой плахи осужденные клянутся в своей абсолютной невиновности. Эта новелла из знаменитого сборника криминальных хроник «Новый Питаваль» предлагает беспристрастное расследование одной из самых запутанных трагедий XIX века. Опираясь на судебные архивы, автор шаг за шагом обнажает скрытые механизмы следствия. Перед читателем разворачивается история о том, как под влиянием коллективного страха, ложных улик и фантазий свидетелей рождается грандиозная «судебная сказка».

© Гитциг Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От редактора	5
Часть 1	6
Часть 2	8
Часть 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виллибальд Алексис, Юлиус Эдуард Гитциг 1817. Дело Антуана Фюальдеса: логика массового заблуждения

От редактора

Перед вами не просто книга, а литературный памятник ушедшей эпохи — очерк из легендарного немецкого альманаха «Новый Питаваль», изданный в 1842 году. Встречающиеся на страницах обороты вроде «в нынешнем году» или «двадцать лет назад» отражают хронологию автора, пишущего из середины XIX века. Глубокая модернизация текста при переводе с немецкого языка сознательно не проводилась, чтобы полностью воссоздать оригинальную атмосферу и обеспечить полное погружение в эпоху. В издании бережно сохранены подлинный слог оригинала, патетика судебных баталий, детальный ход расследования, протоколы громкого процесса и показания ключевых свидетелей. Только так можно без искажений расслышать эхо прошлого и до конца прочувствовать, как рождалась и крепла пугающая механика коллективного безумия.

Часть 1

В небольшом французском городке Родез, расположенном у реки Аверон, жил Антуан Фюальдес — бывший адвокат и общественный обвинитель при суде присяжных. Это был пожилой, уважаемый в обществе человек, который уже отошёл от дел. Его финансовое состояние, как выяснилось позже, пришло в полный упадок. Ещё в 1816 году он продал своё поместье и лишь ждал полной выплаты денег, чтобы навсегда уехать, обосноваться в тихом месте и спокойно жить на государственную пенсию.

В его ближайший круг общения входили двое родственников, почтенных местных жителей с разветвлёнными семейными связями. Одним из них был сорокавосемилетний Жозеф Жосьон, известный как де Вейнак, который работал в Родезе менялой. Это был невысокий, невзрачный мужчина, женатый на женщине редкой красоты. Вторым близким человеком был Бернар Шарль Бастид-Граммон, землевладелец из окрестностей города и брат супруги Жосьона. Сам Бастид был на несколько лет моложе своего зятя и отличался статной, крепкой и высокой фигурой. Детей у него не было. Жена и вторая сестра пользовались в обществе безупречной репутацией.

Оба мужчины являлись убеждёнными и ярыми роялистами, сторонниками короля. В годы революции Жосьон лишь по чистой случайности избежал гильотины. И Жосьон и Бастид принадлежали к партии, которую в те времена многие откровенно ненавидели и боялись. Впрочем, к мнениям горожан об их характере в стране, раздираемой жестокой межпартийной рознью, следовало относиться с крайней осторожностью. Против их образа жизни можно было выдвинуть лишь два веских обвинения. Менялу Жосьона когда-то подозревали в тайной связи с чужой женой и в том, что он помог ей избавиться от общего ребёнка. Дело дошло до расследования, но суд вынес оправдательный приговор. Причём сам Фюальдес, выступавший тогда государственным обвинителем против Жосьона, остался его близким другом, из-за чего поговаривали, будто он сознательно помог приятелю избежать наказания. О Бастиде же ходили слухи, будто однажды он приставил пистолет к груди собственного отца, однако это так и не было доказано. Напротив, он поддерживал самые тёплые отношения со всей семьёй.

19 марта 1817 года Фюальдес получил остаток суммы за проданное имение от председателя суда де Сегюре. Деньги были выплачены ценными бумагами и векселями. По неустановленным до конца причинам Фюальдес стремился обналичить эти бумаги в тот же день. Бастид и Жосьон пытались ему помочь, но им удалось реализовать лишь часть векселей, а остальные они вернули Фюальдесу на руки. Вечером того дня у Фюальдеса в гостях были двое известных в городе господ. В разговоре с ними хозяин упомянул, что сможет пробыть с ними только до восьми часов. Едва пробило восемь, он поднялся со словами, что вынужден покинуть их, прошёл в свою комнату, а затем вернулся, держа что-то под левой рукой. Взяв трость, он вышел на улицу и назад уже не вернулся.

На следующее утро, около шести часов, жена портного обнаружила в реке Аверон неподалёку от мельницы тело мёртвого мужчины. Это был Фюальдес. Когда труп вытащили из воды, на шее сразу заметили глубокий разрез горла длиной около девяти сантиметров, нанесённый либо ножом, либо тупой бритвой. По заключению врачей, огромная потеря крови и мгновенно попавший в плевральную полость воздух привели к немедленной смерти, то есть Фюальдес не утонул, а попал в реку уже мёртвым. Следов ограбления почти не было, за исключением того, что его карманы оказались абсолютно пустыми — там остался лишь носовой платок. Его трость нашли ещё накануне вечером на соседней улице Эбдомадье.

Весть о случившемся разнеслась по городу со скоростью ветра, толпы людей сбегались посмотреть на тело, а Родезом завладели суматоха и потрясение. Едва услышав страшную весть, меняла Жосьон вместе с женой и свояченицей поспешил в дом Фюальдеса и прямо там,

в присутствии слуги, вскрыл письменный стол покойного. Он тщательно обыскал все ящики и бумаги, но успел ли он взять оттуда что-нибудь, свидетель не видел. Когда же понадобилось допросить Бастида в качестве свидетеля, судебный пристав смог найти его только в два часа дня в его загородном имении. По словам самого Бастида, именно от пристава он впервые узнал о совершённом злодеянии.

Все эти обстоятельства погрузили Францию в догадки, которые из-за накала страстей вскоре превратились в безапелляционные приговоры. Версию о том, что Фюальдес сам лишил себя жизни, пришлось отвергнуть сразу. Характер раны не указывал на самоубийство, к тому же человек с перерезанным горлом не смог бы доползти до реки и броситься в воду, не оставив на берегу ни орудия убийства, ни следов крови. Против этого говорили и поспешный уход из дома, и брошенная на соседней улице трость. Вторую версию — о мести бывшему прокурору по политическим мотивам, согласно которой роялисты расправились с либеральным чиновником, тоже оставили из-за нехватки улик. Все факты упрямо указывали на корыстный мотив и убийство ради наживы. Уже на следующий день весь Родез был в этом уверен, ещё через день город открыто называл имена подозреваемых, а к концу недели «знал» всех сообщников и жуткие детали преступления. Так в слухах, а затем и в ходе затяжного судебного процесса, за которым следил весь мир, постепенно сложилась общая картина этого жуткого дела.

Часть 2

Бастид и Жосьон вели с Фюальдесом множество совместных дел, причём Бастид был его должником. По слухам, этот долг составлял около 10 000 франков, и Фюальдес настойчиво требовал его вернуть. В тот роковой вечер 19 марта, около пяти часов, Бастид обронил: «Вы думаете, вас обманывают? Я найду способ удовлетворить ваши требования ещё до конца дня». Что именно он имел в виду, стало ясно три часа спустя. Землевладелец действовал в сговоре со своим зятем Жосьоном. Оба они рассчитывали поправить своё шаткое финансовое положение за счёт старика путём вымогательства, ограбления и последующего убийства. Для этого Бастид назначил Фюальдесу встречу, якобы для того, чтобы окончательно урегулировать дела с векселями. Заманили ли они его хитростью в притон семейства Банкаль, где часто бывал Бастид, или притащили туда силой, следствие так и не установило, поскольку показания свидетелей противоречили друг другу.

После восьми часов вечера Фюальдес вышел из дома, прижимая что-то к левому боку под полами сюртука — по всей видимости, это был портфель с ценными бумагами. Путь его лежал к улице Эбдомадье, к задворкам которой примыкал дом Вере, где среди прочих жильцов ютилась семья Банкаль. Для краткости здание просто называли «домом Банкаль». Это место пользовалось дурной славой и представляло собой запущенные, сырые и мрачные трущобы, где обычно укрывались нищета и криминал и куда порядочные граждане старались не заглядывать. Когда-то здесь жил мясник, а во дворе держали свиней. На первом этаже квартировали супруги Банкаль, бывший солдат Колар со своей сожительницей Анной Бенуа, а также девица лёгкого поведения по прозвищу де Перту (настоящее имя — Бедос). Наверху жили пожилой испанец Сааведра с женой — политические беженцы, искавшие убежища во Франции, а в соседнем доме обитал разнорабочий Миссонье, человек ограниченный до слабоумия.

Дом Банкаль слыл настоящим вертепом, куда заходили простые солдаты, барабанщики, контрабандисты и сомнительные девицы. Однако поговаривали, будто его тайно посещали и городские дамы под вуалями и в шляпах с перьями, а также господа из высшего общества. Сама квартира Банкаль состояла всего из одной комнаты, которая служила одновременно спальней, гостиной и кухней, и небольшого примыкающего к ней чулана. Именно сюда Фюальдеса решили заманить или притащить силой, чтобы заставить подписать бланковые векселя, а затем избавиться от него. Чтобы добраться туда, Фюальдесу нужно было пройти через небольшой переулок, от выхода из которого до дома Банкаль оставалось всего несколько шагов.

Преступники и их сообщники заранее заняли свои позиции. Возле дома самого Фюальдеса стоял первый дозорный, который при виде старика тут же скрылся в переулке. На всех углах и у самого дома, где планировалось убийство, также караулили сообщники. Возле одних ворот притаилась женщина — предполагают, что это была Анна Бенуа. Свидетели слышали шёпот, оклики, покашливания и различные сигналы. Чтобы заглушить возможные крики и шум, на улице выставили двух шарманщиков, которые начиная с восьми часов вечера без умолку играли целый час. В ходе следствия этих музыкантов так и не удалось разыскать.

Едва Фюальдес ступил на улицу Эбдомадье, на углу на него напали и заткнули ему рот кляпом. Сколько именно человек участвовало в нападении, никто из свидетелей точно не показал. Однако должно быть, именно здесь он потерял свою трость, ведь её нашли на том самом месте уже в половине девятого вечера. Скрученный в виде кляпа платок, принадлежавший Анне Бенуа, также обнаружили на улице около девяти часов вечера. Несмотря на кляп, доносились глухие, удушливые стоны, и свидетели видели, как в этот час по улице силой тащили какого-то человека. Но прохожие подумали, что мужчины уводят упирающуюся девицу легкого поведения, и просто прошли мимо. На втором судебном процессе в Альби председатель суда предположил, что история с девушкой действительно имела место для отвода глаз: Анна

Бенуа притворилась, будто сообщники ташат её силой, чтобы придать происходящему невинный вид, на который никто из прохожих не обратит внимания.

Фюальдеса притащили в дом Банкаль, прямо в жилую комнату супругов. Этот дом, обычно всегда открытый настежь, в тот вечер был заперт изнутри. Здесь, на кухне Банкаль, окна которой выходили на улицу, собралась пёстрая и странная компания. Согласно некоторым показаниям, хозяйка дома готовила ужин — кур, говядину и рис, и там хорошо выпивали. Двух барабанщиков, зашедших в дом незадолго до восьми часов, отпугнули подозрительные лица хозяев, присутствовавшие там девицы, дамы или незнакомые господа, поэтому они решили, что «мешают», и поспешили уйти. Мать семейства отправила своих детей (или только дочь Мадлен) спать на чердак, чтобы девочка не стала свидетельницей того, что должно было произойти.

Между половиной девятого и девятью часами за кухонным столом сидел старый Фюальдес, а вокруг него стояли мужчины и женщины. Среди них находились главные действующие лица: землевладелец Бастид, его зять Жосьон, его младший брат Луи Бастид, его племянники — нотариусы Ианс д'Истурне и Бессьер-Вейнак, а также некий Рене и, возможно, неизвестный табачник в синем фраке. Все они собрались в доме Банкаль, чтобы силой заставить Фюальдеса подписать или передать им векселя, а затем лишить его жизни. Кроме того, там находились и люди попроще: сам хозяин Банкаль с женой, солдат Колар и его любовница Анна Бенуа, а также контрабандист Бак. Однако всех этих сообщников убийцам показалось мало для исполнения задуманного, и они позвали из кабака или прямо с улицы разнорабочего Миссонье и бродягу Бускье. Сигналом для входящих служили три удара в наружную дверь, после чего хозяйка дома отпирала её.

Жосьон держал в руках сафьяновый портфель. Фюальдес подписал примерно от 12 до 15 векселей (или сделал на обороте поперечную бланковую надпись о передаче), которые Жосьон тут же убрал в портфель. Когда с бумагами было покончено, Бастид объявил Фюальдесу, что тот должен умереть. Фюальдес вскочил, умоляя и заклиная: неужели кто-то поверит, что среди его убийц находятся ближайшие родственники и друзья! Всё было напрасно — его схватили, и ни один из множества присутствующих не заступился за него, не замолвил ни единого слова в его защиту. Сильный Бастид уложил его на стол, несмотря на яростное сопротивление. «Этот старый господин защищался как дикий зверь», — рассказывал позже на допросе ребёнок. В отчаянной попытке защититься старик в яростной обороне даже перевернул сам стол, когда его на него повалили. По другим сведениям, перед этим со стола пришлось убрать два каравая хлеба, которые Бастид подарил хозяйке дома.

Старик лишь отчаянно молил дать ему хотя бы минутку, чтобы примириться с небом и прочитать предсмертную молитву. Но Бастид отрезал: «Мирись со своим чёртом!» Колар и Банкаль держали его за ноги, другие сообщники — за руки и голову, а какой-то хромой господин светил лампой. Затем Жосьон нанёс первый удар. После этого удара несчастный, кажется, вскочил ещё раз и именно тогда опрокинул стол. Фюальдес добежал до самой двери, у которой стоял свидетель и соучастник Бак. Бастид отвесил тому пощёчину за то, что Бак не пошевелился, чтобы удержать беглеца. Другой рукой Бастид снова схватил жертву и притащил обратно на стол. Говорят, однако, что при падении стол перевернулся и у него сломалась ножка. Тогда сдвинули вместе две скамьи и уложили несчастного на них. Вот тут и произошло само убийство. Бастид несколько раз вонзил нож — то ли мясницкий, то ли тяжёлый нож для хлеба — в горло Фюальдеса.

Фюальдес лишь испускал вздохи и глухие предсмертные хрипы. По некоторым показаниям, Миссонье тоже участвовал в этой резне и добил жертву. В подставленный таз хозяйка дома или Анна Бенуа собирала кровь, стекавшую со скамей. Эту тёплую жижу слуги затем частично вылили в корыто свиньям, и напившаяся человеческой крови скотина вскоре издохла в судорогах. Так заговорщики избавились от главных улик. А те багровые пятна, что всё же

успели вьестись в половицы, хозяйка позже тщательно оттирала щёткой. И всё же сыщики сработали чисто: на жилете Банкаля позже обнаружили застиранные бурые следы, а в его кармане — окровавленный клочок бумаги. Ещё позже при обыске в камерке бродяги Бускье нашли испачканное бельё и пару заляпанных кровью башмаков.

Когда Фюальдес испустил последний хрип, один из убийц нагло и дерзко ухмыльнулся: «Ну всё, отгулял старик!». В судебных протоколах, к слову, упоминалось, будто пожилой господин всё ещё питал слабость к тайным ночным свиданиям. В карманах убитого сыскали всего пять франков да горсть медных монет. Их брезгливо швырнули кабатчице со словами: «Забирай себе. Мы порешили его не ради звенящей мелочи». Наткнулись и на связку ключей. Их тут же протянули землевладельцу Бастиду, скомандовав: «Живо иди к нему и забирай всё, что найдёшь». Жадная хозяйка Банкаль положила было глаз на тонкую, дорогую рубашу покойника, которая белизной напоминала церковный стихарь. Однако стервятнице не позволили раздеть труп. Вместо этого ей милостиво швырнули перстень со скрюченного пальца Фюальдеса, хотя уже на следующий день заставили вернуть украшение назад, выдав взамен смехотворную компенсацию в шесть франков.

Из всего случившегося отчётливо видно, что банда, собравшаяся в притоне Банкаля, чётко делилась на два совершенно разных лагеря, у каждого из которых были свои цели и положение в обществе. Одни вершили расправу лично для себя, преследуя корыстные интересы и заматаывая следы крупных махинаций. Другие же выступали лишь как наёмные цепные псы. Эти последние — Доминик Колар, Жан-Пьер Бак, Бускье и Миссонье — были подонками общества и завсегдатаями дешёвого шинка Розы Фераль. В этом злочном месте всегда можно было перехватить грязную работу. За кружкой дешёвого пойла они то и дело вспоминали бывшие военные грабежи и разбои, поджидая заказов от серьёзных господ. Контрабандист Жан-Пьер Бак как раз приехал в Родез в поисках наживы и быстро нашёл то, что искал. Его вместе с Бускье наняли, чтобы под покровом ночи перетащить какой-то тюк табака, и именно под этим предлогом заманили в проклятый дом Банкаль.

Так же вышло и с остальным отребьем. Спорным на суде оставался лишь один вопрос: явились они до или уже после убийства, застали жертву ещё живой или же обнаружили в комнате уже остывающий труп; помогали ли они держать несчастного или всего лишь взвалили на свои плечи завёрнутое тело. Само личное участие в перерезании горла прокурору те из них, кто позже сознался, отрицали до последнего. Даже когда вся картина преступления сложилась воедино, они отчаянно открещивались от роли палачей. Зато все они в один голос твердили, что видели лежащий на столе труп, наспех завёрнутый в простыню и намертво перевязанный верёвками толщиной в палец.

Казалось бы, всех этих поимённо названных господ и неотёсанных громил уже более чем достаточно, чтобы силой выбить у старика пару подписей и вынести тело вон. Однако круг соучастников на этом не заканчивался. Догадки и показания свидетелей вовлекали в заговор всё новых лиц. Кроме хозяйки дома, её дочери Мадлен и Анны Бенуа, на кухне или в соседнем чулане прятались ещё одна или две женщины. Один ребёнок на допросе и вовсе утверждал, будто видел там до семи женщин! Одна была блондинкой, другая — постарше и повыше ростом; лица их были под вуалями, а на головах красовались шляпы с перьями. Для дам и девушек, хоть сколько-то заботящихся о своей репутации, появление в доме Банкаль в ночное время было позором. Обвиняемые женщины всячески открещивались от этого, но злая молва втягивала в дело даже тех, кто не имел к нему никакого отношения.

Так, всплыло имя англичанки мисс Гипсон. Она была единственной дамой в округе, носившей зелёные перья на шляпе, а в показаниях как раз мелькало упоминание незнакомки в шляпке с зелёным плюмажем. Мадам Мансон, несмотря на своё первоначальное упорное молчание, скорее всего, действительно там присутствовала. По одной из версий, она была под вуалью, по её собственному признанию — в мужском платье, а именно в синих панталонах.

Пытаясь отвести от себя подозрения, она хитро перевела стрелки на молодую девушку, Розу Пьерре. Под раздачу попала и хорошенькая швея Шарлотта Арлабосс, с которой Бастид крутил роман: из-за этой порочной связи ей официально предъявили обвинение и бросили за решётку.

Никто твёрдо не утверждал, что эти таинственные дамы участвовали в самом убийстве. Они оказались в доме Банкаль по совсем иным причинам. Когда же на их глазах разыгралась кровавая драма, они пришли в ужас. Им помогли выбраться через окно во двор, или же они спрятались в чулане, пытаясь сбежать оттуда. Но их обнаружили. Бастид вытащил их — мадам Мансон он схватил прямо за синие панталоны — и хотел прикончить. Она закричала: «Я не мужчина!». Остальные удержали его от расправы. Бак утверждал, будто именно он спас жизнь этой женщине, другие приписывали этот благородный поступок Жосьону, который якобы шепнул Бастиду: «Зачем нам второй труп? С одним-то хлопот не оберёшься». Загадочную даму заставили принести страшную клятву молчания, после чего отпустили.

Но даже этой огромной компании сообщников Родезу показалось мало. Маленькая дочь Банкаль, Мадлен, из-за страха или холода спустилась с чердака обратно на кухню и залезла под балдахин большой кровати. Согласно обвинительному акту, в постели лежали несколько детей, возможно, помимо Мадлен там был её маленький брат Алексис. Через полуоткрытые шторы или дыру в них девочка видела всё, что происходило во время и после убийства. Здесь ребёнок видел (согласно её личным показаниям после первого вердикта), как «незнакомое господина заставили сесть за стол, велели писать векселя, а потом сказали, что он умрёт». Убийцы в своей слепой ярости проявили невероятную неосторожность и даже не задёрнули полог кровати. Лишь после того как в чулане нашли постороннюю даму, Бастид решил проверить и постель. Мадлен притворилась спящей. Он дважды ощупал её и сказал матери, чтобы та избавилась от ребёнка. Женщина пообещала сделать это за 400 франков. На следующее утро мать отправила девочку в поле, где отец в тот момент как раз копал глубокую яму. Малышка решила, что её сейчас туда бросят. Однако тот лишь обнял её, горько разрыдался и сквозь слёзы вымолвил: «Слышишь, дочка... всегда будь хорошей девочкой».

По одной из версий, преступники поначалу растерялись и не знали, что делать с телом. Сперва его хотели бросить в чулан, но там наткнулись на спрятавшуюся даму. Потом возникла мысль тайно подкинуть труп обратно в дом самого покойного, положив рядом бритву для имитации самоубийства. Однако этот план сочли невыполнимым; к тому же он противоречил всем приготовлениям, которые, как мы знаем, уже были сделаны. Ведь контрабандиста и остальных парней из кабака Розы Фераль вызвали вовсе не для убийства, а именно для транспортировки мёртвого Фюальдеса — ради этого его и завернули в простыню, накрепко связав верёвками. Когда Бак и Бускье поняли, что вместо табака им подсунули мертвеца, они попытались сбежать, но Бастид обрушился на них с яростными угрозами. Он был недоволен и Жосьоном, ругая его за бездействие. Нанятым сообщникам пригрозили мгновенной смертью, если они проговорятся хоть словом. Жосьон и Бастид стояли, держа под мышками по ружью. За участие в этом деле Баку заплатили около 20 франков. Кроме того, наводчикам ещё раньше обещали другие выгодные дела, например, разграбление дома одного богатого собственника в Родезе.

Около 10 часов вечера процессия с телом двинулась в путь. Труп уложили на две длинные жерди. Колар и Банкаль несли его впереди, Бак и Бускье — сзади. Бастид, самый высокий и сильный среди них, шёл впереди с двуствольным ружьём под мышкой, направив дуло к земле. Следом шёл Жосьон, также вооружённый ружьём, а рядом с ним — Миссонье. Шагая в таком порядке, они пересекли город, выбрав далеко не самый короткий путь к реке. Возле одного сада они на мгновение опустили ношу. В этот момент мимо них прошёл какой-то человек; кажется, он их не заметил, но грязно выругался. Затем они снова подняли груз, но вскоре им пришлось изменить порядок шествия: тропинки между глухими садовыми стенами, ведущие вниз к Аверону, стали слишком узкими и крутыми, чтобы два человека могли идти плечом к плечу. Отныне Банкаль и Колар несли тело вдвоём.

Спустившись к реке, они прошли ещё около 150 шагов по берегу, чтобы завершить дело. Труп развязали и сбросили в воду. Бастид и Жосьон, снова вскинув ружья, под угрозой смерти приказали всем соучастникам хранить строжайшее молчание, после чего все разошлись в ночной темноте. На следующий день хозяйка дома Банкаль нашла на кухне один из векселей, написанных Фюальдесом вдоль и поперёк на гербовой бумаге. Но поскольку он был запятнан кровью, она посчитала за лучшее сжечь его.

Рано утром 20 марта, около восьми часов, Жосьон вместе с женой и свояченицей вошёл в дом Фюальдеса. На втором этаже он взломал секретер, а затем топором вскрыл в библиотеке ящик письменного стола, где покойный хранил деньги, записную книжку и дневники. Жосьон забрал оттуда ценности, включая один или два мешка с деньгами. Слуге он при этом бросил: «Мы взяли эти деньги, помалкивай об этом». В наследстве так и не нашли карманную записную книжку Фюальдеса с записями о векселях и большой блокнот с замком, где велись расчёты. Пропал и документ, который Жосьон якобы передал Фюальдесу накануне вечером. Двенадцать векселей на сумму 20 000 франков с бланковой подписью Фюальдеса, которые позже оказались у Жосьона, могли быть похищены им во время этого утреннего налёта — если только их не выбили из старика силой в ночь убийства.

Однако вина за этот налёт и ограбление лежала не на одном Жосьоне. Вскоре после него, тем же ранним утром, в Родез и в квартиру покойного прибыл Бастид. Он сразу повёл себя подозрительно, спросив у прислуги: «Дома ли господин Фюальдес?», хотя к тому времени уже весь город гудел об убийстве. Услышав этот вопрос, служанка разрыдалась. Однако Бастид всё равно вошёл в комнату Фюальдеса, обыскал несколько шкапулок, выдвижной ящик и без всякого приглашения принялся помогать заправлять постель. При этом из-под подушки как бы случайно выпал ключ. Это был тот самый ключ от письменного стола, который Фюальдес всегда носил с собой, и именно его подельники передали Бастиду в ночь убийства.

Часть 3

Такова история этого злодеяния в том виде, в каком в неё поверили и в самом городке Родез, и в провинции, и во всей Франции. В её правдивости были убеждены и свидетели, и присяжные, и судьи, а отчасти и сами обвиняемые. Именно на этой цепи фактов основаны два судебных вердикта, два кассационных решения, три смертные казни и несколько других суровых приговоров, обрекших виновных на клеймение и каторжные цепи. Но эта история, сотканная из фактов и догадок, не явилась миру сразу, во всём своём объёме. Она постепенно складывалась и разрасталась лишь в ходе затяжного судебного процесса, который вызвал невероятное потрясение в обществе. Каждый, кто хотя бы самым отдалённым образом соприкоснулся с этим делом, считал своим долгом внести собственную лепту, добавив к общей картине свои подозрения, выводы и улики. Так люди пытались заполнить, подпереть, достроить и украсить это шаткое здание, которое изначально зияло сплошными пустотами.

Слухи сразу указали на дом Банкаль как на место, где Фюальдес нашёл свою смерть. Хозяина Банкаль и его жену немедленно арестовали. Но обыск в доме ничего не дал: полы на кухне были тщательно вымыты. Полицейского комиссара Констана даже обвинили в халатности и в том, что он из-за связей умышленно провёл обыск плохо, чтобы выгородить уважаемые семьи подсудимых. Комиссара отстранили от должности, позже арестовали и в конце концов самого обвинили в соучастии в убийстве.

Затем покатила волна новых арестов: 24 марта под стражу взяли бродягу Бускье, 25 марта арестовали Бастида, а вслед за ним и остальных пособников, а 7 апреля, наконец, арестовали менялу Жосьона. Позже, 29 июля, первую повестку в суд получила мадам Мансон. Во время следствия хозяин дома, Банкаль, скончался в тюрьме. Ходили подозрения, что он сам лишил себя жизни с помощью яда, кое-как приготовленного из собственной мочи и ржавчины от гвоздей. Он умер, так ни в чём и не признавшись.

В августе в Родезе открылись заседания суда присяжных по делу об убийстве Фюальдеса. На скамье подсудимых оказались: вдова Банкаль, её дочь Марианна Банкаль, Бастид-Граммон, Жан-Батист Колар, Франсуа Бак, Анна Бенуа, Жан Бускье, Жозеф Жосьон, его жена Виктуар и её сестра Франсиска Гальтье. Сын убитого, молодой Фюальдес, изучавший юриспруденцию в Париже, горячо поддерживал государственное обвинение, выступая одновременно гражданским истцом по делу о взломе и требуя компенсации за разграбленное имущество. Все обвиняемые наотрез отрицали свою вину, кроме Бускье, который выступал одновременно и подсудимым, и свидетелем.

12 сентября присяжные почти единогласно вынесли вердикт «Виновен» в отношении Бастида, Жосьона, Бака и Колара как главных исполнителей убийства. Вдову Банкаль признали умышленной соучастницей. Миссонье и Анну Бенуа посчитали пособниками без предварительного злого умысла, а Бускье — виновным лишь в сбрасывании тела в реку. Жосьона и Бастида присяжные также признали виновными в краже, но без признаков явного взлома. Жена Жосьона была признана соучастницей кражи, но без знания о самом мотиве убийства. Мадам Гальтье и дочь хозяина притона Марианну Банкаль суд полностью оправдал.

На основании этого вердикта Бастид, Жосьон, Бак, Колар и вдова Банкаль были приговорены к смертной казни. Миссонье и Анна Бенуа получили пожизненную каторгу, а Бускье — два года тюрьмы. Мадам Мансон прямо из зала суда заключили под стражу за дачу заведомо ложных показаний и предали суду. Однако 10 октября Высший кассационный суд в Париже по жалобе осуждённых полностью отменил этот приговор и передал дело на новое рассмотрение в суд присяжных города Альби.

Накал страстей и буря возмущения, которые вызвал этот совершенно неожиданный для публики и судей вердикт Парижа, были невероятными. Все, кто не принадлежал к ярым роя-

листам, были свято уверены в виновности подсудимых. В решении Кассационного суда люди увидели лишь циничную попытку выгородить знатных преступников королевских взглядов. Разъярённая толпа угрожала не выпустить арестантов из города, подобно тому как ранее люди угрожали самим судьям, если те посмеют оправдать убийц. Чтобы при перевозке конвоя удержать взбунтовавшийся народ в узде, властям пришлось задействовать армейские части. А чтобы хоть как-то успокоить разгневанных граждан, на шею главному заговорщику, великану Бастиду, прилюдно надели тяжёлую цепь.

Второй судебный процесс в Альби начался 26 марта 1818 года. К прежним подсудимым добавились новые лица: поскольку один из приговорённых к смерти, контрабандист Бак, к тому моменту сломался и дал признательные показания, под арест попали младший брат заговорщика — Луи Бастид, а также племянники старшего Бастида — Бессьер де Вейнак и Ианс д'Истурне. Впрочем, в отношении них вели отдельное следствие, и ходатайство главных обвиняемых о том, чтобы отложить общий процесс до завершения расследования по новым лицам, суд отклонил. Во время этого второго процесса на сцене появился совершенно новый свидетель, который вообще не входил в круг обвиняемых. Затем, 3 апреля, мадам Мансон наконец прервала своё загадочное молчание. Вслед за контрабандистом Баком вдову Банкаль, 13 апреля, также удалось склонить к признанию — она начала давать показания и топить своих вчерашних подельников.

Страхи общественности, что новые присяжные в Альби, среди которых было много очень звучных аристократических и роялистских фамилий, встанут на сторону преступников, оказались напрасными. Четвёртого мая они признали виновными: Бастида и Жосьона — в преднамеренном убийстве и краже со взломом; Колара — в соучастии в умышленном убийстве; аналогично Бака и вдову Банкаль. Анну Бенуа посчитали соучастницей убийства без предварительного сговора. Миссонье признали невиновным в самом убийстве, но виновным в транспортировке трупа. Бака, Колара, Бастида и Жосьона также уличили в выносе тела, а вот мадам Мансон суд признал полностью невиновной.

После этого судебная коллегия приговорила Бастида, Жосьона, Колара, Бака и вдову Банкаль к смертной казни. Анну Бенуа приговорили к публичному клеймению и пожизненной каторге, а Миссонье отделался двумя годами тюрьмы и штрафом в 50 франков. При этом покладистого контрабандиста Бака судьи официально рекомендовали королю к помилованию. Осуждённые снова подали кассационную жалобу. Однако докладчик суда Оливье высказал мнение, что пора наконец положить конец процессу, затяжной характер которого и так вызвал в обществе слишком много скандалов и недовольства. Кассация была отклонена. Голос общественности, звучавший среди публики, на страницах газет и даже в самой палате депутатов, открыто обвинял правительство в том, что оно умышленно затягивает суд и казнь, поскольку преступники принадлежали к самым влиятельным и преданным короне роялистским семьям Южной Франции. Под давлением этих обвинений 3 июня власти спешно привели приговор в исполнение в отношении первой части осуждённых.

Пролилась кровь трёх жертв правосудия. Из остальных обвиняемых некоторые, возможно, до сих пор влачат дни в кандалах, хотя большинство из них, по всей видимости, уже предстали перед вечным Судьёй. И всё же над этим убийством, которое каралось на глазах у всего мира и словно с его молчаливого согласия, до сих пор висит непроницаемая тьма. Осуждённые громко, торжественно и до самой последней секунды, когда топор гильотины уже висел над их головами, клялись в своей абсолютной невиновности. И улик, собранных против них, на немецком судебном процессе едва ли хватило бы для вынесения смертного приговора. Тот самый ангел справедливости, к которому так часто взывали, чтобы он пролил свет на эту тьму и навёл порядок в хаосе, так и не явился — ни во время суда, ни за те 23 года, что утекли с тех пор.

Франция и весь мир сочли, что приговор был если и не безупречным, то вполне справедливым. Об этом процессе было написано множество трудов. Подобно судебному делу Фонка, возникла целая «литература Фюальдеса». Это убийство в виде захватывающей мелодрамы «Замок Палуцци» обошло все французские подмостки и театры, в Германии о нём тоже написали пьесу, а история в том виде, в каком её оценили присяжные и судьи, навсегда переключалась в наши учебники, энциклопедии и справочники. И лишь один-единственный голос поднялся 10 лет назад в защиту казнённых.

Этот единственный голос поднялся, чтобы доказать несправедливость приговора и восстановить честное имя казнённых жертв. Это был голос немецкого исследователя. Его книга называлась: «Предполагаемое убийство Фюальдеса, или подробный разбор самого примечательного уголовного дела нашего века. Автор — Петер фон Коббе. Целле, 1831 год». Этот запоздалый защитник, опираясь на материалы судебных протоколов, пытается доказать поразительную вещь: в деле полностью отсутствует сам состав преступления! Не было с точностью установлено не то что участие конкретных лиц, но даже сам факт того, что Фюальдес вообще погиб от чужой руки. И уж тем более, если это всё же было убийство, оно никак не могло произойти в доме Банкаль при тех обстоятельствах и с теми участниками, о которых трубило следствие. Немецкий юрист доказывает: показания свидетелей и вся линия обвинения сотканы из вопиющих, непримиримых противоречий, а сами ключевые свидетели обвинения вызывают огромное подозрение.

Петер фон Коббе шаг за шагом демонстрирует, как следствие, ведомое либо слепой межпартийной ненавистью, либо фанатичной убеждённости в виновности аристократов, велось предвзято. Все причастные судьи и чиновники магистрата изначально были настроены против подсудимых. Высшие судебные чины искусно манипулировали присяжными, а защитников запугивали и заставляли молчать. Наконец, исследователь пытается наглядно показать, каким именно путём из случайных слухов родилась эта грандиозная и страшная судебная сказка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.